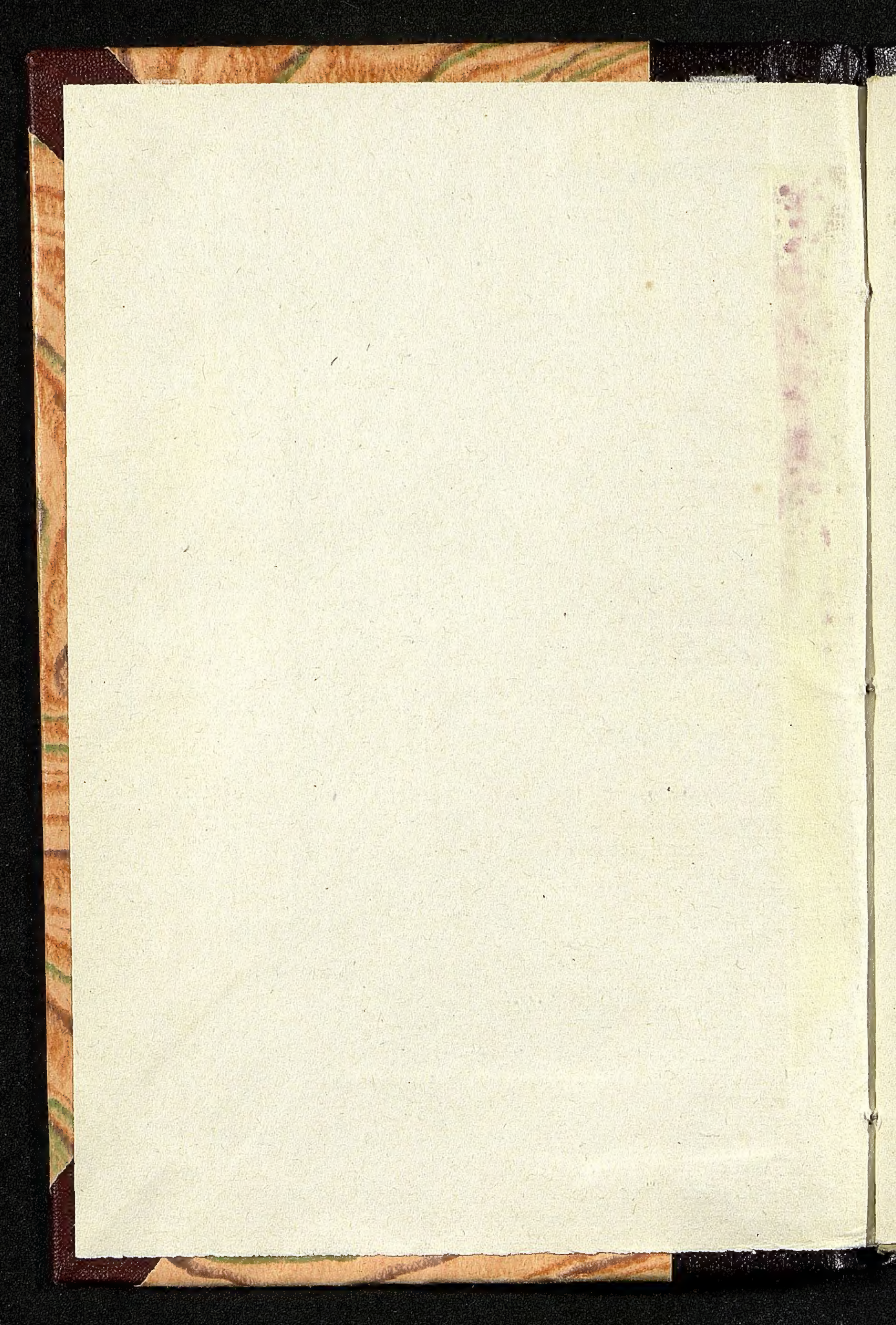
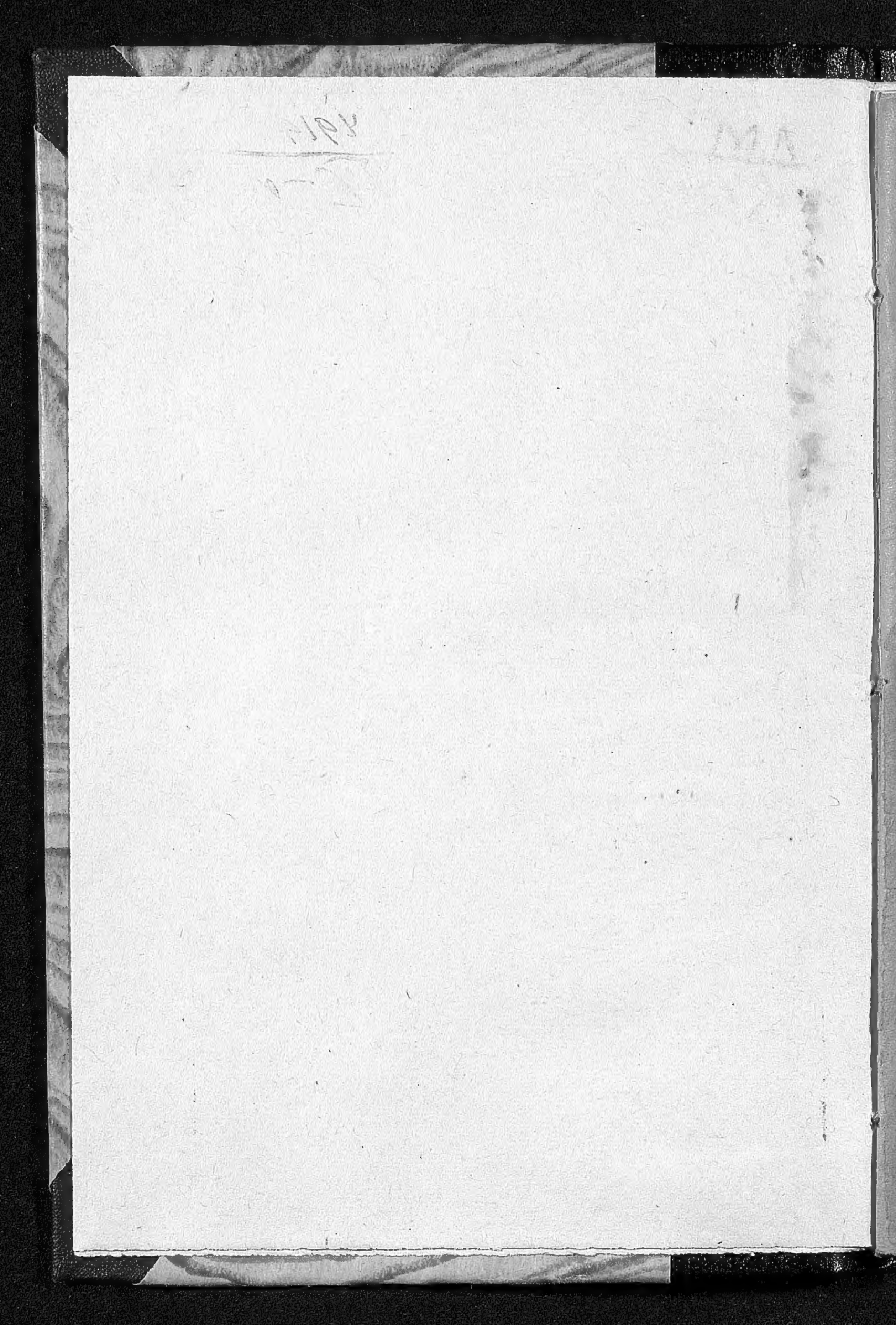
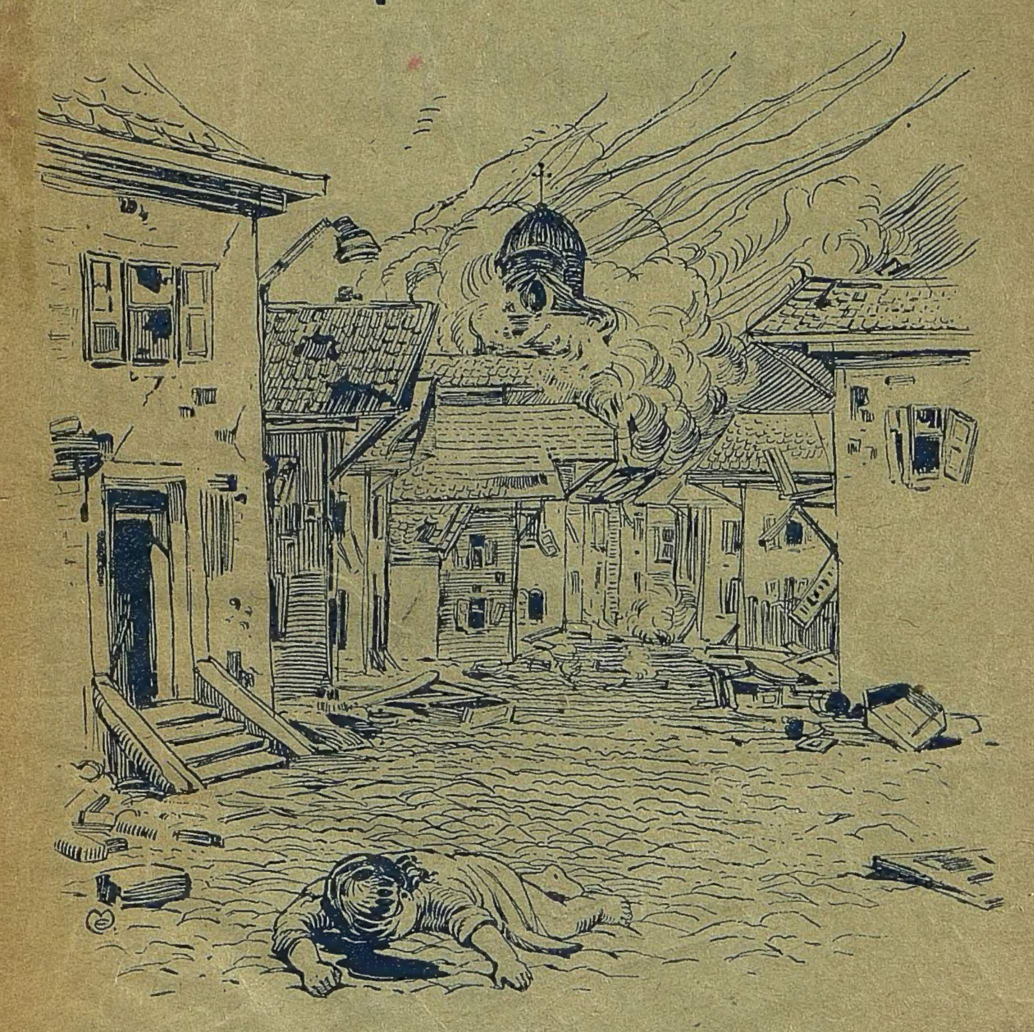
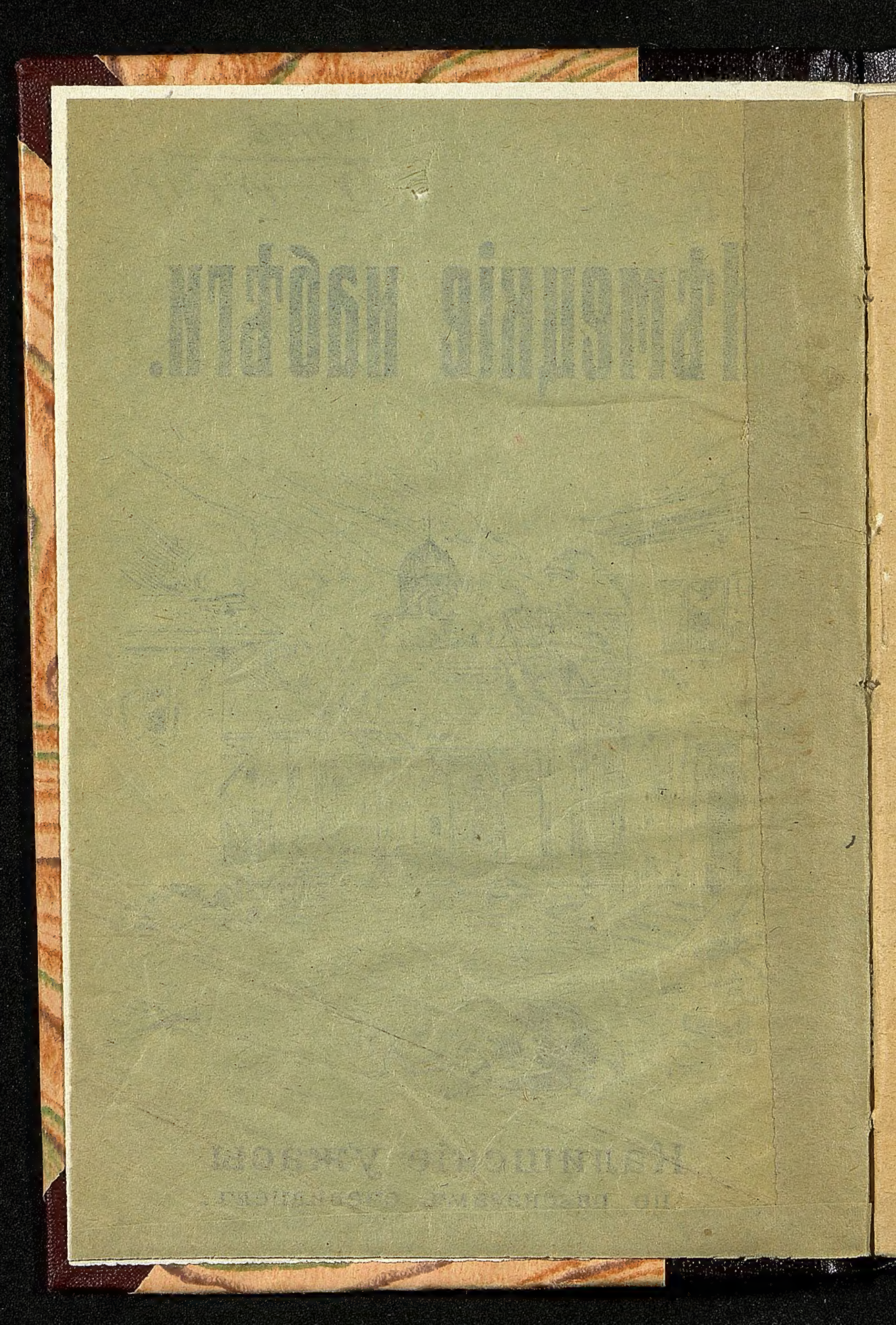

Нѣмецкіе набѣги.

Калишскіе ужасы
по разсказамъ очевидцевъ.

НѢМЕЦКІЕ НАБѢГИ.

Калишскіе ужасы
по разсказамъ очевидцевъ.

Типографія Т-ва И. Д. Сытина. Пятницкая ул., с. д.
МОСКВА. — 1914.

Нѣмецкie набѣги.

Калишскiе ужасы по разсказамъ очевидцевъ.

Война — несчастiе. Всякая война неизбѣжно несетъ съ собой горе и страданiе для множества людей. Это всѣмъ извѣстно. И всѣ неизбѣжныя страданiя и тяготы войны народъ приметъ на свои плечи и вынесетъ до положеннаго предѣла. Война требуетъ великихъ силъ и жертвъ.

Но есть жертвы должныя и жертвы напрасныя. Нынѣшняя война еще въ самомъ началѣ своемъ неожиданно ознаменовалась варварскими, дикими, почти невѣроятными для нашего времени поступками нѣмцевъ. Первыми жертвами якобы высокообразованныхъ нѣмцевъ пали не вооруженныя силы, а мирные безпомощные жители нашихъ пограничныхъ мѣстностей.

Теперь въ вихрѣ загорѣвшагося мiрового пожара, виновница коего Германiя, уже становится труднымъ удерживать въ памяти всѣ тѣ жестокiя насилiя и издѣвательства, которымъ

подверглись тысячи русскихъ людей, имѣвшихъ несчастье оказаться въ предѣлахъ Германіи въ дни объявленія войны.

Но и въ страшномъ вихрѣ міровыхъ событій невозможно забыть вопіющихъ, кровавыхъ выступленій нѣмцевъ — не на поляхъ брани, не въ честномъ бою, а среди мирнаго и покорнаго населенія, на улицахъ Калиша, Ченстохова и въ другихъ мѣстахъ.

Всѣ эти разгромы и единичные и массовые разстрѣлы ни въ чемъ неповинныхъ обывателей нужно хоть какъ-нибудь запечатлѣть — для будущаго, для исторіи нынѣшней войны, а прежде всего для уясненія облика не столько нѣмецкаго народа вообще, какъ его мундирныхъ руководителей и командировъ, этихъ «просвѣщенныхъ» варваровъ XX вѣка.

---

19 іюля 1914 года Германія объявила войну Россіи. Въ этотъ день въ Калишѣ все еще было спокойно, жители еще не знали объ объявленіи войны, хотя въ казначействѣ уже были заготовлены деньги для выдачи чиновникамъ трехмѣсячнаго жалованья на случай выѣзда, но распоряженія о выдачѣ этихъ денегъ такъ и не получилось. Большинство властей уѣхало.

Въ ночь на 20-е іюля населеніе узнало, что война объявлена. По городу разлилась тревога. Русскій пограничный отрядъ покинулъ городъ

еще утромъ. Въ эту же ночь управляющій казенной палатой сталъ выдавать чиновникамъ палаты документы и деньги на выѣздъ изъ Калиша. Тревога росла...

Жители города, видя, что онъ оставленъ и войсками и властями, избрали для охраны порядка и спокойствія милицію, назначили контролеровъ этой милиціи и порѣшили, что при такомъ положеніи имъ остается только одно — сдаваться безъ всякаго сопротивленія, если нѣмцы появятся у города.

Всѣ банки изъ города выѣхали заранѣе. Размѣнныхъ денегъ и вообще денегъ достать было негдѣ. Тогда организовали размѣнъ въ городскомъ магистратѣ, гдѣ хранилось около 35 тысячъ.

По разсказамъ однихъ, первый отрядъ нѣмцевъ показался у города въ часъ ночи на 20-е іюля. Послышался лошадиный топотъ и одиночные выстрѣлы. Затѣмъ раздался грохотъ какого-то взрыва. И черезъ нѣкоторое время къ городу подскакалъ германскій отрядъ съ зажженными факелами, съ воинственными возгласами.

Нѣмцы проѣхали по встревоженнымъ улицамъ Калиша, заглядывая во дворы и переулки. Убѣдившись, что войска нѣтъ и со стороны мирныхъ обывателей сопротивленія не можетъ быть, ускакали обратно. И уже часа черезъ три, на разсвѣтѣ, нѣмецкія войска вошли въ городъ.

Это былъ отрядъ 155-го пѣхотнаго полка подъ командой лейтенанта и отрядъ конницы.

Лейтенантъ потребовалъ отвести помѣщеніе для 800 солдатъ и 23 офицеровъ. Предложили солдатамъ помѣститься въ казармахъ, а офицерамъ—въ «Европейской» гостиницѣ.

«А не минированы казармы? — освѣдомился лейтенантъ. — Смотрите, если что случится, вы первые мнѣ отвѣтите. Впрочемъ, отложимъ рѣшеніе до пріѣзда майора».

Заглянувъ въ казармы, сказали, что въ нихъ такая грязь, что можно помѣщать туда нѣмецкихъ свиней, а не солдатъ.

Первый день прошелъ спокойно, германскіе солдаты ходили по улицамъ даже безъ оружія, непринужденно вступали съ обывателями въ разговоры. Можно было слышать шутки и смѣхъ.

Въ этотъ же день горѣлъ вокзалъ, горѣли пакгаузы, какъ говорили, отъ поджога хулиганами.

Нѣмцы распространяли слухи, не оправдавшіеся впослѣдствіи, что будто бы возлѣ Калиша находится до 80-ти тысячъ германскихъ войскъ.

По разсказамъ другихъ, въ городъ прибылъ сначала небольшой передовой патруль уланъ. Городъ былъ въ полномъ порядкѣ. Призидентъ города Буковинскій встрѣтилъ отрядъ съ бѣлымъ флагомъ и ключами, но патруль отказался принять ключи города, заявивъ, что это должны сдѣлать слѣдующіе отряды, идущіе за ними,

Такимъ образомъ, вначалѣ все шло хорошо, ничего не было страшнаго и населеніе нѣсколько поуспокоилось, даже нѣкоторые магазины открылись.

Но вотъ 20 іюля явился майоръ Прейскеръ и съ нимъ германскія войска въ количествѣ двухъ полковъ пѣхоты, одного полка кавалеріи и двухъ батарей. Имя этого майора Прейскера отнынѣ должно быть знаменито и предано недоброй, мрачной славѣ, какъ и другія имена командировъ, впослѣдствіи смѣнившихъ его въ Калишѣ.

На первыхъ порахъ онъ выказалъ большую любезность. Разсказываютъ, что онъ всѣхъ обласкалъ, всѣмъ пожималъ руки обѣими руками, при этомъ удивлялся, что судъ бездѣйствуетъ, что банки разъѣхались, главные чиновники города—тоже.

«Мы не грабить пріѣхали», заявилъ онъ горожанамъ. Пообѣщалъ, что на-дняхъ же будетъ возстановленъ размѣнъ денегъ съ выдачею по двѣ нѣмецкихъ марки за рубль, благодарилъ за пріемъ и помѣщеніе, даже приглашалъ городскихъ депутатовъ на ужинъ къ себѣ. Просилъ, чтобъ со слѣдующаго же дня возобновилась въ городѣ торговля, дѣятельность банковъ,—словомъ, чтобъ жизнь шла совершенно спокойно, ничего не опасаясь.

Съ нимъ былъ военный врачъ, этотъ тоже всѣхъ успокаивалъ и разсыпался въ любезностяхъ.

Тѣмъ временемъ помѣщенія для солдатъ и лошадей были осмотрѣны, войска начали раз-

мѣщаться. Телефонъ былъ занятъ и немедленно соединенъ съ Берлиномъ. Ночь прошла спокойно.

Съ утра открылись магазины, на улицахъ — оживленіе. Нѣмцы покупаютъ, что имъ нужно. Платили и нѣмецкими деньгами и русскими. Все шло хорошо. Майоръ Прейскеръ выпустилъ довольно благожелательную прокламацію съ призывомъ къ спокойствію и занятіямъ.

День прошелъ тоже спокойно, благополучно. Но вечеромъ началось иное. По разсказамъ, часовъ около 8-ми, когда у Прейскера по его приглашенію собрались нѣкоторые представители города, вдругъ вбѣжалъ запыхавшійся унтеръ-офицеръ и что-то доложилъ майору. Тотъ немедленно перемѣнилъ тонъ и объявилъ, что отнынѣ всѣ присутствующіе горожане имъ арестуются, какъ заложники.

Съ этого и началось. По улицамъ разставили патрули. Солдаты останавливали и опрашивали всѣхъ проходящихъ, но пропускали. Однако вскорѣ началась пальба изъ пулеметовъ и винтовокъ. Все это началось, будто бы, съ того, что кѣмъ-то неизвѣстнымъ былъ произведенъ въ городѣ выстрѣлъ. Это и вызвало тревогу.

Стрѣляли до глубокой ночи. Обстрѣлу подверглись больше всѣхъ Новолиповая и Брацлавская улицы. Одному изъ очевидпевъ пришлось наблюдать, какъ въ темнотѣ навстрѣчу пулеметамъ попалъ нѣмецкій же отрядъ и нѣкоторые изъ отряда были перестрѣляны такимъ образомъ

своими же. Послѣ нѣмцы объясняли эту стрѣльбу тѣмъ, что въ нихъ стрѣляли жители, но это совершенно невѣрно.

Заутро среди жителей насчитывалось до 16-ти раненыхъ. Были и убитые. Это были первыя жертвы.

Впрочемъ, эта ночь внесла въ городъ такую панику, переполохъ и растерянность, что о точномъ числѣ жертвъ узнать было трудно. Жители уже боялись показываться на улицахъ и прятались, гдѣ попало.

Одинъ изъ бѣжавшихъ калишанъ разсказываетъ, что въ эту ночь нѣмцы уже звѣрствовали вовсю. На его глазахъ было вытащено на улицу въ одномъ бѣльѣ нѣсколько мирныхъ жителей и разстрѣляно. Утромъ было разстрѣляно еще нѣсколько человѣкъ. Многіе подверглись истязаніямъ.

Въ качествѣ заложниковъ Прейскеромъ были задержаны: предсѣдатель окружнаго суда Зеландъ, президентъ города Буковинскій, ксендзъ Плошай, священникъ Семеновскій, еврейскій раввинъ, его помощникъ и нѣсколько фабрикантовъ.

Всѣ очевидцы въ одинъ голосъ отрицаютъ возводимое нѣмцами обвиненіе, что будто бы жители стрѣляли по гарнизону.

22 іюля по городу было расклеено грозное объявленіе на нѣмецкомъ и польскомъ языкахъ, отпечатанное на красной бумагѣ. Вотъ оно полностью:

Комендантское управленіе.

Калишъ, 4-го августа 1914 г.

Магистрату города Калиша.

Послѣ того, какъ сегодня, ночью, нѣсколько разъ по гарнизону г. Калиша стрѣляли изъ домовъ, прекращается всякое снисхожденіе по отношенію къ населенію.

Воспрещаю всякій выѣздъ изъ города и объявляю недѣйствительными ранѣе выданные разрѣшительные пропуски.

Всѣ гостиницы закрываются. Исключеніе составляетъ „Европейская“ гостиница, гдѣ остаюсь на жительство.

Всякое не вызванное необходимостью пребываніе на улицахъ и площадяхъ воспрещается.

Останавливаться вообще не дозволяется.

Неподчиненіе военнымъ приказаніямъ карается смертной казнью.

Арестованные сегодня, ночью, шесть гражданъ остаются подъ моимъ наблюденіемъ. При малѣйшемъ сопротивленіи они будутъ разстрѣляны.

Въ возмѣщеніе за происшествія сегодняшней ночи городъ Калишъ обязанъ сегодня, до 5-ти часовъ пополудни, уплатить сумму:

50.000 рублей

(пятьдесятъ тысячъ рублей).

При повтореніи враждебныхъ дѣйствій со стороны населенія—каждый десятый обыватель будетъ разстрѣлянъ.

Съ 8-ми часовъ вечера дома должны запираться, а всѣ окна освѣщаться.

Магистратъ долженъ немедленно освѣдомить объ этомъ населеніе.

Я воспрещаю выходъ газетъ.

Комендантъ Калиша: *Прейскеръ*,
майоръ, комендантъ 11, 155.

22-го же іюля получилось извѣстіе, что нѣмецкій резервъ встрѣтился на Туронскомъ шоссе съ нашими и имѣлъ съ ними перестрѣлку.

Прейскеръ сейчасъ же вызвалъ изъ города солдатъ, выставилъ батареи на позиціи—на возвышенія около станціи Калиша и открылъ по городу ужасную бомбардировку. Продолжалась она съ 6 до 7 часовъ вечера. Было разрушено много зданій, были убитые и раненые. Стрѣляли ядрами, стрѣляли шрапнелью, картечью. Бѣжавшихъ истязали.

Затѣмъ городъ былъ оцѣпленъ войсками, чтобъ никто не могъ выйти. Посыпались всевозможныя кары.

Жителямъ было приказано освободить всѣ комнаты для постоя; хозяева должны занимать одну комнату и обязаны кормить постояльцевъ. Кромѣ того, отъ населенія должно быть ежедневно поставляемо въ зданіе магистрата 1.800 фунтовъ ветчины.

Одинъ мясникъ, доставившій все, что у него было, и заявившій, что у него больше ветчины нѣтъ, былъ тутъ же поставленъ къ стѣнѣ и разстрѣлянъ.

Въ этотъ день было созвано экстренное совѣщаніе горожанъ. Собравшіеся обсуждали вопросъ, гдѣ достать 50 тысячъ рублей контрибуціи, потребованной майоромъ Прейскеромъ. Если не внести 50 тысячъ, будетъ разстрѣлянъ каждый

десятый житель. Майоръ издавалъ уже грозныя прокламаціи. Населеніе въ ужасѣ замерло.

Все же, съ большимъ трудомъ, 50 тысячъ удалось собрать. Въ банкахъ нашлось 35 тысячъ, остальные по мелочамъ собрали среди жителей. Хлопотъ было много; наличныхъ денегъ мало у кого имѣлось, а процентныя бумаги нѣмцы не принимали, швыряли ихъ обратно, уничтожали.

Наконецъ президентъ города Буковинскій и домовладѣлецъ Майзель, сопутствуемые депутаціей, доставили контрибуцію полностью.

Всю депутацію тотчасъ же арестовали. А президента Буковинскаго, какъ только онъ вручилъ деньги коменданту, сшибли съ ногъ связали и, всячески издѣвались при этомъ. Старикъ 8 часовъ пролежалъ плашмя на землѣ, связанный, при чемъ время отъ времени солдаты били его ногами и прикладами. Одинъ изъ сторожей осмѣлился подложить ему подъ голову пальто и за это тутъ же былъ разстрѣлянъ.

А до этого былъ разстрѣлянъ губернскій казначей Соколовъ. Утромъ къ нему на квартиру явился нѣмецкій офицеръ съ солдатами и потребовалъ всѣ казенныя деньги. Соколовъ отвѣтилъ, что денегъ нѣтъ, что по приказу начальства онъ сжегъ ихъ при появленіи непріятеля, и показалъ при этомъ телеграмму министра.

Нѣмцы вывели Соколова на площадь и разстрѣляли на глазахъ его семьи.

По разсказамъ другихъ очевидцевъ, Соколова разстрѣляли особенно изощреннымъ, надругательскимъ способомъ. Нѣмцы сначала положили на мостовую связаннаго президента города Буковинскаго, затѣмъ *поставили на него* Соколова, не торопясь, выстроили солдатъ и скомандовали:

— Пли!..

Соколовъ, обливаясь кровью, упалъ на лежащаго, *живого* Буковинскаго. Что переживалъ въ эту минуту старикъ? Не разрывалось ли его сердце отъ ужаса?..

Нѣкая г-жа Кутукова, бѣжавшая изъ Калиша, утверждаетъ, что Соколовъ сжегъ до 500.000 рублей. Деньги уничтожались при свидѣтеляхъ. Вмѣстѣ съ Соколовымъ разстрѣляли у зданія ратуши еще трехъ лицъ. Кутукова два дня спустя видѣла эти четыре трупа на мостовой. Лица ихъ почернѣли. У одного снесенъ черепъ. У другого вывалился мозгъ. Никто не смѣлъ подобрать трупы.

Такъ круто измѣнились отношенія, вначалѣ ничѣмъ не угрожавшія. Вначалѣ нѣмцы, забирая фуражъ, выдавали квитанціи съ указаніемъ, что деньги будутъ уплачены кассою магистрата. А затѣмъ не только не стали выдавать квитанцій, а просто отбирали у жителей все, что было имъ нужно, при чемъ безъ всякаго повода многихъ жестоко истязали, многихъ пристрѣливали.

Единичныхъ разстрѣловъ на улицахъ и не перечесть даже за первые три дня хозяйничанья

нѣмцевъ въ Калишѣ. Такъ, въ эти дни былъ убитъ стражникъ Лассодо, появившійся на улицѣ при шашкѣ. Убитъ стражникъ корчемной стражи. Этотъ шелъ по улицѣ въ штатскомъ платьѣ. Его остановилъ нѣмецкій солдатъ и что-то сказалъ. Стражникъ вздрогнулъ, глядя на солдата обезумѣвшими глазами.

Нѣмецъ же схватилъ стражника за воротки, толкнулъ его къ забору, направилъ ружье въ упоръ и выстрѣлилъ. Стражникъ упалъ...

Жена этого стражника, разсказываетъ очевидецъ, хорошо знавшій семью стражника, увидѣвъ трупъ мужа, обезумѣвшая отъ ужаса и горя, бросивъ дѣтей, убѣжала въ поле. Потомъ говорили, что эта женщина помѣшалась.

Въ эти первые дни вышеназванная г-жа Кутукова, убѣгая изъ города, только въ одной улицѣ замѣтила до 18 неподобранныхъ труповъ мужчинъ и женщинъ. Кутуковя бѣжала 23 іюля утромъ, вмѣстѣ съ дьякономъ, переодѣтымъ и остриженнымъ. Она разсказываетъ, что когда вступили въ городъ германцы, они направили ружья на встрѣтившую ихъ депутацію. Потомъ заставили депутатовъ вести подъ узцы своихъ лошадей въ городъ. Худшимъ издѣвательствамъ подвергались богатые жители. Одинъ купецъ умеръ отъ потрясенія моментально.

Звѣрски дико и жестоко обошлись нѣмцы съ калишанами, несмотря на свои увѣренія, что будутъ охранять спокойствіе и жизнь жителей.

Но самое ужасное, самое жестокое было еще впереди. Первыми двумя-тремя днями еще не исчерпалось звѣрство нѣмцевъ, а какъ бы подогрѣлось для дальнѣйшихъ подвиговъ, еще болѣе удивительныхъ по звѣриной жестокости.

Еще 23 іюля, около $5^1/_2$ часовъ вечера, ни съ того ни сего нѣмцы начали стрѣлять изъ орудій по городу шрапнелью. До ночи выпустили свыше 80-ти зарядовъ.

Ужасъ жителей возрасталъ съ каждымъ часомъ. Многіе пытались бѣжать вонъ изъ города, куда глаза глядятъ, но массами были разстрѣливаемы. Миновать этого удавалось немногимъ.

Въ окрестностяхъ Калиша убито свыше 20-ти человѣкъ возвращавшихся изъ города Ласка, еще не обмундированныхъ запасныхъ.

24-го іюля, съ самаго утра, опять загрохотали орудія. До полудня было произведено больше 50 выстрѣловъ, не считая ружейной стрѣльбы. Много было жертвъ и трагическихъ сценъ...

Всѣ очевидцы въ одинъ голосъ недоумѣваютъ, чѣмъ были вызываемы эти смертоносныя бомбардировки по беззащитному, до смерти запуганному городу. Время отъ времени нѣмцы прекращали бомбардировку—и снова начинали. Такъ дѣлалось во всѣ слѣдующіе дни. Это было похоже на страшный кошмаръ, выдерживать который становилось не подъ силу... Разсказываютъ, что въ эти дни нѣкоторые совершенно

посѣдѣли, нѣкоторые свихнулись разсудкомъ... Творилось ужасное!

24-го іюля нѣмцы взломали городскую кассу, и городскія деньги, которыя тамъ нашлись, были забраны. Были взломаны кассы еще въ нѣкоторыхъ общественныхъ мѣстахъ, но денегъ тамъ оказалось мало, и, какъ бы по этому случаю, плохо пришлось многимъ лицамъ, причастнымъ къ этимъ обыскиваемымъ учрежденіямъ.

Мѣстный богатый купецъ Рафаилъ Франкель по приказанію коменданта Прейскера вынужденъ былъ дать ему чекъ на 500 тысячъ рублей въ прусскій банкъ и 20 тысячъ наличными деньгами. Когда Франкель вручилъ все это, нѣмцы забрали его и стали куда-то снаряжать въ путь. Старикъ не выдержалъ и померъ отъ разрыва сердца.

24-го же іюля погибъ чиновникъ калишскаго магистрата Павловскій. Нѣмцы предложили ему перевести на польскій языкъ воззваніе къ населенію, въ которомъ, между прочимъ, говорилось, что отнынѣ ни одинъ волосъ не упадетъ съ головы жителей Калиша.

Черезъ четверть часа Павловскій и еще нѣсколько чиновниковъ были разстрѣляны у ратуши, и трупы ихъ брошены тутъ же.

Уже 24-го іюля на улицахъ, въ канавахъ, въ нѣкоторыхъ дворахъ и въ окрестностяхъ Калиша валялось множество труповъ мужскихъ, женскихъ и даже дѣтскихъ... Видѣли между

прочимъ трупъ секретаря магистра Покулинскаго, трупы двухъ лѣсныхъ объѣздчиковъ, земскаго стражника, двухъ почтальоновъ, нѣсколькихъ юношей въ формѣ учащихся... Очевидно, форма и свѣтлыя пуговицы принимались нѣмцами за признакъ принадлежности этихъ лицъ къ русскимъ войскамъ.

Къ вечеру 24-го числа нѣмецкій отрядъ (или, по крайней мѣрѣ, большая часть его) покинулъ Калишъ. На утро же 26-го числа въ городъ вошелъ 7-й Саксонскій полкъ, около 3.000 человѣкъ, и занялъ городъ пикетами. Жители снова попрятались.

Вскорѣ запылала городская ратуша, подожженная нѣмцами. Гдѣ-то загорѣлся еще одинъ домъ, за нимъ—другой...

У одного улана вырвалась лошадь. Стали ее ловить, появилась суматоха, крики и затѣмъ какъ-то вышло такъ, что среди нѣмецкихъ солдатъ создалась невообразимая паника... Затрещали выстрѣлы—и въ результатѣ между своими же оказались убитые и раненые. Спасшіеся изъ Калиша очевидцы разсказываютъ, что видѣли, напримѣръ, двухъ убитыхъ нѣмецкихъ офицеровъ. Нужно полагать, что такое происшествіе и озлобило нѣмцевъ, и настроило ихъ на еще бóльшія жестокости въ дальнѣйшемъ къ горожанамъ.

Вскорѣ послѣ этого, часовъ около 7—8 вечера, снова загрохотали орудія со станціонныхъ

возвышеній. Обстрѣливали, главнымъ образомъ, Браилавскую и смежныя улицы. Стрѣляли вплоть до 5 часовъ утра. Было выпущено до 250 снарядовъ, разрушено много зданій. Населеніе, попрятавшееся въ погребахъ, замирало отъ страха. Немало людей погибло...

Какъ только гдѣ-либо въ окнѣ показывались люди, орудія направляли на этотъ домъ. Четырехъэтажный домъ, гдѣ жилъ одинъ изъ очевидцевъ, сильно разрушенъ. Началось съ того, что одинъ изъ жильцовъ выглянулъ въ окно — и сейчасъ же снарядомъ выхватило косякъ и пробило слѣдующую стѣну. Очевидецъ поспѣшилъ затушить огонь въ печи, опасаясь пожара, такъ какъ слѣдующимъ снарядомъ разворотило верхъ печи.

Черезъ 15 минутъ обитатели этого дома вынуждены были его покинуть и стали перебѣгать черезъ дорогу, чтобъ найти спасеніе въ погребахъ противоположныхъ домовъ. А покинутый домъ все разрушался и разрушался. Вѣроятно, своей вышиной этотъ домъ мѣшалъ нѣмцамъ, скрывая отъ обстрѣла другіе дома.

— Жутко было,—разсказываетъ очевидецъ,— перебѣгать дорогу передъ орудіями, которыя грохотали на разстояніи всего около полверсты. А надъ городомъ, тутъ и тамъ, зарево...

Великіе ужасы пережили въ эту ночь всѣ, кто остался живъ и кому не посчастливилось бѣжать изъ Калиша въ предыдущіе дни. Пря-

тались не только въ погреба и подвалы, но и въ помойныя ямы и въ ямы отхожихъ мѣстъ...

Но и въ такихъ убѣжищахъ не всякому удавалось спастись. Особенные ужасы пришлось пережить людямъ, спасающимъ, кромѣ себя, еще и дѣтей своихъ. О такихъ разсказываютъ много поистинѣ жуткаго... Много было ужасныхъ положеній!

Наканунѣ этой ночи, между прочимъ, по разсказамъ, была вырѣзана большая еврейская семья за то, что изъ ихъ дома раздался выстрѣлъ. Но очевидцы утверждаютъ, что этого выстрѣла не было.

Напротивъ, разсказываютъ о провокаторскомъ поступкѣ одного нѣмецкаго лейтенанта, который бросилъ изъ окна дома камнемъ въ свой отрядъ. Это было еще въ первые дни.

Во всякомъ случаѣ, все то ужасное, что совершали нѣмцы въ Калишѣ, не было вызвано со стороны жителей рѣшительно ничѣмъ.

Была полная покорность населенія и полное подчиненіе всему тому, что предписывали и требовали нѣмецкія власти во главѣ съ Прейскеромъ. Тутъ нѣмцы творили нѣчто, на что врядъ ли могли быть способны какіе-либо дикари и азіаты. Человѣческая исторія, исторія культурныхъ народовъ врядъ ли знаетъ болѣе дикіе, болѣе звѣрскіе поступки, какіе нынѣ проявляютъ вояки, представители просвѣщенной націи,

среди мирнаго и покорнаго, безоружнаго населенія.

Слѣдующій день, 26 іюля, также на всю жизнь останется памятнымъ для калишанъ, которые остались въ живыхъ. Началось съ 6 часовъ утра.

Солдаты, разсыпавшись по всему городу, начали обходить дворы, вызывали и арестовывали всѣхъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей выгоняли на улицу, приказывая не прятаться. Многіе были въ одномъ бѣльѣ. Шелъ дождь.

Часть солдатъ съ пучками соломы за поясомъ и съ какими-то особыми факелами поджигали въ разныхъ мѣстахъ дома.

Всѣхъ жителей, спрятавшихся во время канонады въ погребахъ и подвалахъ, теперь вызывали во дворъ, разставляли около стѣны, прицѣливались въ нихъ изъ винтовокъ, иныхъ били по лицу. Одному, у котораго въ карманѣ нашли коробку спичекъ, стали забивать ее въ ротъ, утверждая, что онъ поджигалъ городъ. А городъ, между тѣмъ, пылалъ въ разныхъ концахъ, поджигаемый солдатами.

При обыскахъ подваловъ прикалывали штыками всѣхъ, кто упирался и, объятый страхомъ, не хотѣлъ или мѣшкалъ выходить оттуда. Много было раздирательныхъ, страшныхъ сценъ. Не щадили ни дѣтей ни женщинъ...

Въ этотъ день многіе изъ калишанъ погибли въ пламени.

Наконецъ, собравъ всѣхъ мужчинъ, нѣмцы стали сгонять ихъ на площадь. Было приказано, чтобы всѣ подняли руки вверхъ — такъ всѣ и шли, съ поднятыми руками. Кто отставалъ или просто не нравился солдату, подгонялся ударами кулакомъ, прикладомъ; нѣкоторыхъ даже подкалывали штыкомъ. Одного замѣшкавшагося еврея солдатъ ткнулъ штыкомъ въ ногу такъ, что тотъ уже не могъ дальше итти и сѣлъ. Грубо подталкивали отстававшаго, престарѣлаго ксендза 80 лѣтъ. Нѣкоторые идущіе тогда взяли ксендза подъ руки. Такъ шли калишане со всѣхъ улицъ къ площади, съ поднятыми руками, подгоняемые солдатами. Это было похоже на нѣкое крестное шествіе...

На площади арестованныхъ стали распредѣлять по десяткамъ, по сотнямъ. Калишане рѣшили, что ихъ сейчасъ будутъ разстрѣливать.

Подъ проливнымъ дождемъ, многіе въ одномъ нижнемъ бѣльѣ, лица у многихъ блѣдны и на нихъ неописуемый ужасъ... Среди войскъ уже не видно было поляковъ, которые — были случаи — въ первые дни щадили жителей. Тутъ же подобрались баварцы и померанцы, — эти проявляли наибольшую суровость и жестокость, никого не щадили.

Мужчинъ калишанъ на площади было собрано до 850 человѣкъ. Явился какой-то нѣмецкій генералъ и объявилъ, приблизительно, то, что «если все пройдетъ тихо и спокойно и если

солдатамъ не будетъ причинено какого-либо вреда, то вы не всѣ погибнете. Если же что либо случится,—уничтожу всѣхъ безъ исключенія и пощады».

Затѣмъ погнали всѣхъ въ поле. Тамъ раздѣлили группами по 10 человѣкъ и начали командовать этими десятками, поворачивая ихъ то въ одну, то въ другую сторону. Солдаты при этомъ утѣшали, что пока разстрѣляютъ только по одному изъ каждаго десятка, не больше...

Въ числѣ арестованныхъ было много извѣстныхъ гражданъ Калиша, было много интеллигенціи. Былъ тутъ, между прочимъ, слѣдователь по особо важнымъ дѣламъ князь Крымъ-Шамхау, который вздумалъ предъявить нѣмцамъ удостовѣреніе о своей личности. Это удостовѣреніе тотчасъ швырнули въ грязь.

Въ полѣ, подъ дождемъ и дулами винтовокъ, продержали часовъ до 9 утра. Затѣмъ повели опять въ городъ и загнали въ казармы для стражниковъ. Всѣ вздохнули свободнѣе...

Нѣмцы же предупредили, ставя въ казармахъ военную охрану, что въ случаѣ шума или какого-нибудь несчастья съ солдатами казарму немедленно подожгутъ и изъ огня не выпустятъ ни одной души.

Городъ къ этому времени былъ уже основательно разгромленъ. Зданія казенныя и нѣко-

торыя частныя горѣли, дымъ клубился и тутъ и тамъ.

Трупы съ улицъ никѣмъ не убирались; нѣкоторые уже начали разлагаться—и вмѣстѣ съ дымомъ и смрадомъ пожара въ улицахъ стоялъ ужасный трупный запахъ... Кой-гдѣ, спрятавшись во дворахъ и гдѣ попало, стонали раненые...

Часовъ въ 6 вечера плѣннымъ мужчинамъ въ казармахъ (о судьбѣ оставшихся женщинъ и дѣтей ничего не было имъ извѣстно) дали грязной воды для утоленія жажды, а погодя принесли и буквально швырнули 5—6 кусковъ хлѣба, это на 850 человѣкъ. Хлѣбъ раздѣлили подросткамъ, которые также были всѣ забраны.

Такъ сидѣли калишане въ казармахъ, убитые горемъ, пережитыми ужасами, потерею близкихъ, ужъ не говоря о полномъ разореніи. И еще не извѣстно было, что ждало всѣхъ впереди.

Распоряжающійся стражей унтеръ-офицеръ все время утѣшалъ калишанъ, что мучиться осталось совсѣмъ немного, такъ какъ скоро перестрѣляютъ если не всѣхъ, то нѣкоторыхъ.

И на самомъ дѣлѣ, вечеромъ плѣнники увидѣли изъ оконъ много нарытыхъ ямъ. Рыли и еще... Всѣ были увѣрены, что пришелъ конецъ, что ямы роются для разстрѣла. Многіе сильно взволновались. О женщинахъ и дѣтяхъ все такъ же ничего не было извѣстно... Въ ули-

цахъ изрѣдка слышались выстрѣлы. Пожаръ все разгорался, ширился.

Вскорѣ плѣнниковъ вывели, разбили опять на десятки, окружили солдатами...

Разнесся слухъ, что рѣшено разстрѣлять всѣхъ, и что разстрѣливать будутъ картечью. Нѣкоторые калишане, безпомощные, истомленные пережитыми ужасами, буквально не могли стоять на ногахъ и тихо плакали. Всѣ были страшно блѣдны, лица искажались страхомъ... Нѣкоторые хотѣли просить нѣмцевъ, чтобы хоть кого-либо оставили въ живыхъ—для поддержанія оставшихся семей и малыхъ дѣтей, покинутыхъ въ городѣ на улицахъ...

Раздалась команда. Опять калишане должны были дѣлать всевозможные повороты. Солдаты, какъ бы для пробы, то и дѣло вскидывали ружья на прицѣлъ, но не стрѣляли, ожидая кого-то.

Вскорѣ явился новый командиръ, смѣнившій майора Прейскера. Онъ обратился къ калишанамъ съ рѣчью на нѣмецкомъ языкѣ. Онъ высказалъ, что то, что жители сдѣлали (?), карается смертной казнью, но германскій императоръ на первый разъ прощаетъ своихъ новыхъ подданныхъ.

— За охрану и спокойствіе города отвѣчаете вы,—говорилъ командиръ.—Если что случится съ солдатами, всѣхъ васъ до одного пере-

рѣжемъ. Не забудьте доносить мнѣ обо всемъ, что случится.

Послѣ этой рѣчи опять всѣхъ направили въ городъ, при чемъ былъ приказъ итти тихо и молча, иначе солдаты будутъ стрѣлять. Такъ и дошли до города—жители впереди, солдаты позади.

Въ это время пронесся слухъ, что по городу часъ-два назадъ промчался русскій кавалерійскій разъѣздъ, и что когда русскіе покидали городъ, за ними ухитрились бѣжать и нѣкоторые жители Калиша.

Нѣмцевъ это, очевидно, озлобило. На улицахъ вновь зарыскали солдаты, производя возмутительныя насилія надъ оставшимися жителями. Опять, кто могъ, всѣ начали прятаться куда попало, но солдаты вытаскивали людей изъ засадъ и избивали или перестрѣливали.

На улицахъ всѣхъ задерживали, обыскивали и, въ случаѣ какого-либо подозрѣнія, унтеръ-офицеры, не обращаясь къ коменданту, тутъ же разстрѣливали, оставляя трупъ на видномъ мѣстѣ, для назиданія остальнымъ.

А къ полудню уже разстрѣливали всѣхъ безъ исключенія, кто только попадался нѣмецкимъ патрулямъ. Убивали женщинъ, дѣтей, подростковъ.

Творилось что-то невѣроятное, жестокое, звѣрское... Очевидцы, чудомъ бѣжавшіе отъ

смерти, безъ слезъ, глубокаго душевнаго волненія не могутъ разсказывать о томъ, что пришлось имъ видѣть въ эти послѣдніе дни въ Калишѣ.

Мѣстами можно было видѣть цѣлыя кучи труповъ. Попадались недобитые, — эти глухо стонали и, еще не потерявъ памяти, старались ползти куда-то... Жутко было видѣть убитыхъ дѣтей...

Въ этотъ же день, т.-е. 27 іюля, нѣмцы выпустили изъ тюрьмы каторжанъ, свыше трехсотъ человѣкъ, нѣсколько дней не получавшихъ пищи, такъ какъ тюремная стража была перебита еще въ первые дни. И въ городѣ, кромѣ разбоя нѣмцевъ, начались разбои, убійства со стороны каторжанъ, такъ какъ нѣмцы, выпуская ихъ, поставили имъ это какъ бы въ условіе.

Пожаръ города разрастался, принималъ грандіозные размѣры. Оставшіеся въ живыхъ люди, теряя голову, въ ужасѣ метались по улицамъ; многіе пытались бѣжать вонъ изъ города, но немногимъ удавалось это.

На улицахъ, окутанныхъ дымомъ, разыгрывались такія сцены. Нѣмцы поставили къ стѣнѣ дома 10 человѣкъ, согнали въ качествѣ п о к а зрителей толпу калишанъ и дали залпъ по этимъ десяти... Всѣ 10 осѣли тутъ же, у стѣны...

Въ ночь на 28 іюля снова загрохотали нѣмецкія орудія съ возвышеній. Всю ночь продол-

жалось бѣгство оставшихся жителей за предѣлы города, сильно разрушеннаго, пылающаго.

Бомбардировка была ужасная, и причины, чѣмъ она была вызвана, опять-таки непонятны для очевидцевъ событій этихъ печальныхъ дней.

Орудійная пальба была возобновляема и 29 и 30 іюля. 29 числа, прекративъ канонаду въ въ 5 часовъ утра, нѣмцы вошли въ городъ, разбились по отрядамъ и пошли по улицамъ, дѣлая на воротахъ уцѣлѣвшихъ домовъ красныя отмѣтки крестомъ. Другіе, шедшіе за отмѣтчиками, поджигали эти дома. Запертыя ворота выламывались топорами.

Остатки жителей, спасавшихся въ укромныхъ мѣстахъ домовъ, были прикалываемы, разстрѣливаемы. Тутъ уже не щадили никого...

Кто избѣжалъ смерти отъ штыка и пули, погибали въ огнѣ, уже не имѣя возможности выбраться изъ бушевавшаго моря пламени.

Изъ одного горѣвшаго дома удалось выбраться едва живыми, опаленными огнемъ, 14 женщинамъ съ дѣтьми и троимъ мужчинамъ, изъ которыхъ два дряхлыхъ старика, третій—пожилой. «Ни съ мѣста!» встрѣтили ихъ солдаты съ ружьями, и черезъ двѣ минуты трое мужчинъ были разстрѣляны.

Женщины замерли отъ страха, дѣти плакали навзрыдъ...

Такія сцены—не единичны.

Пожаръ тѣмъ временемъ неимовѣрно разрастался. Онъ цѣликомъ охватилъ Брацлавскую улицу, большую часть Варшавской. На площади, начиная съ магазина Зіолковскаго, съ трехъ сторонъ бушевали огромные языки пламени. Пылала Гарбарская и многія другія улицы, планомѣрно поджигаемыя.

Въ то же время въ аллеѣ Іозефины и въ другихъ мѣстахъ шелъ полный грабежъ магазиновъ, складовъ и квартиръ. Кофе, сахаръ, чай и проч. нѣмцы вывозили на подводахъ за городъ. Чернь и каторжане, по примѣру нѣмецкихъ солдатъ, дѣйствовали на окраинахъ, не рискуя мѣшать нѣмцамъ въ центрѣ.

Бѣглецы, которымъ въ этотъ день удалось спастись изъ города, разсказываютъ, что видѣли на площади св. Іосифа нѣсколько труповъ людей, которые еще утромъ были живы.

О дальнѣйшихъ дняхъ судьбы несчастнаго Калиша свѣдѣнія смутны.

Изъ окрестности Калиша передавали, что 29 и 30 іюля надъ городомъ наблюдались тучи дыма, тянувшагося на протяженіи нѣсколькихъ верстъ. Что дѣлалось въ городѣ — неизвѣстно, такъ какъ нѣмецкія войска не допускали туда никого; да мало и охотниковъ было, чтобъ проникнуть въ городъ—на вѣрную смерть.

Одинъ изъ калишанъ бѣглецовъ въ эти дни какъ-то ночью проникъ въ городъ, чтобъ попы-

таться узнать о судьбѣ близкихъ, но онъ не вернулся.

Ночью же разъ отправился туда одинъ чернорабочій, нанятый бѣглецами за большую плату.

Къ утру этотъ вернулся и разсказывалъ, что на улицахъ и въ паркахъ — всюду масса труповъ, мужскихъ, женскихъ и дѣтскихъ. Хоронить некому, многіе уже разлагаются и воздухъ въ городѣ зловонный.

Одинъ обыватель, такъ же ночью, проникъ въ городъ и похоронилъ въ своемъ дворѣ до 28 труповъ, въ томъ числѣ и близкихъ своихъ.

Разсказываютъ о такихъ сценахъ въ послѣдніе дни Калиша. Толпу приговоренныхъ вывели на улицу, разставили вдоль стѣнъ и навели ружья... Съ непередаваемымъ ужасомъ въ открытыхъ глазахъ стояли люди подъ дулами винтовокъ и ждали, и слышали въ теченіе долгихъ минутъ неторопливыя слова команды лейтенанта... Но залпа не послѣдовало.

— Оставить!—скомандовалъ лейтенантъ.

Солдаты взяли ружья къ ногѣ. Вздохъ облегченія вырвался изъ десятковъ грудей...

— Го-отовсь! — вдругъ опять скомандовалъ лейтенантъ.

Дула ружей опять направились на несчастныхъ, какъ тѣни блѣдныхъ людей...

И такъ нѣсколько разъ. Натѣшившись, лейтенантъ приказалъ:

— Убирайтесь. Мы васъ прощаемъ...

Но многимъ ли изъ нихъ удалось вырваться? Многіе изъ нихъ пали на улицахъ Калиша.

Послѣдніе очевидцы, бѣжавшіе изъ города, съ ужасомъ разсказывали о множествѣ валяющихся труповъ по всѣмъ улицамъ. Дѣтскіе и женскіе трупы производятъ потрясающее впечатлѣніе... Передаютъ, что нѣкоторые жители, не вынося всѣхъ ужасовъ творившагося, умирали отъ разрыва сердца... Передаютъ, что городъ сожженъ и разрушенъ, трупы массами гніютъ на мостовыхъ...

Передавали, что въ объявленіяхъ, расклеенныхъ новымъ комендантомъ, населеніе приглашалось вернуться въ городъ, при чемъ обѣщалась личная и имущественная безопасность... Это послѣ того, какъ городъ въ конецъ былъ уже разрушенъ!

Всего, что разсказывается прибывающими изъ несчастнаго Калиша очевидцами, что отчасти уже появилось и въ газетахъ, трудно перечислить и передать. Это болѣе подробно и болѣе точно возможно сдѣлать лишь въ будущемъ, когда промчатся всѣ бури, виновница коихъ, повторяемъ, Германія.

Теперь прибывшіе въ Варшаву и во многіе другіе города спасшіеся калишане еще не могутъ оправиться отъ всѣхъ ужасовъ крови и разоре-

нія. Многимъ и во снѣ и наяву все еще мерещатся грохотъ пушекъ и трупы разстрѣлянныхъ...

Объятые ужасомъ съ первыхъ же дней калишскаго разгрома, жители, бросая все, бѣжали изъ родного города по всѣмъ дорогамъ и просто безъ дорогъ—куда глаза глядятъ. Въ первые дни движеніе отъ Калиша было громадное.

Въ Варшаву въ эти дни прибываютъ калишскія дѣти, осиротѣвшія или не могущія отыскать ни родителей своихъ ни близкихъ. Многіе малолѣтки шли десятки верстъ пѣшкомъ...

Прибыли также дѣти изъ православнаго пріюта въ Калишѣ. Они шли пѣшкомъ до города Турекъ; здѣсь жители накормили ихъ и довезли до Кутна, откуда уже по желѣзной дорогѣ ихъ привезли въ Варшаву.

Женщины, бѣжавшія изъ Калиша въ разгаръ ужасовъ, встрѣчая уже вдали города русскіе разъѣзды, падали къ ногамъ солдатъ съ громкими рыданіями...

Онѣ потеряли тамъ, позади, въ пылающемъ городѣ, мужей, дѣтей...

О дальнѣйшей участи взятыхъ нѣмцами заложниковъ ничего не слышно. Вѣроятно, ихъ отправили въ предѣлы Германіи, если оставили въ живыхъ. Извѣстно только, что на паекъ давали имъ хлѣбъ и воду, столь омерзительную, что ее было невозможно пить. Раввина Мозеса

за что-то жестоко избили и посадили въ карцеръ, гдѣ онъ тяжко заболѣлъ.

Кромѣ уже перечисленныхъ заложниковъ, въ крѣпости въ первые же дни содержалось еще нѣсколько десятковъ видныхъ калишанъ, судьба коихъ тоже неизвѣстна.

Такъ разгромленъ нѣмцами мирный, безоружный губернскій городъ и пролита кровь массы ни въ чемъ неповинныхъ жителей.

Немного лучше показали себя нѣмцы въ Ченстоховѣ, а также въ послѣдніе дни — въ Каменецъ-Подольскѣ и другихъ мѣстахъ.

Да падетъ все это навѣки несмываемымъ позорнымъ клеймомъ на націю, мечомъ и огнемъ сѣющую ужасы и смерть—не въ бою съ вооруженнымъ противникомъ, а среди мирнаго, невооруженнаго населенія.

И. Касаткинъ.

